

Александр МРИС

ЧЕЛОВЕК В МАРИЕНКИРХЕ

/киносценарий/

Утром 19 февраля новый сотрудник префектуры уголовной полиции города М. столкнулся в коридоре с шефом.

— А! Это вы, Шмидт, очень кстати. Только что позвонили из шестого полицейского участка. Ограблена приходская церковь: похищена статуя апостола пятнадцатого века. Не везет этой церкви. Третье ограбление за последние тридцать лет. Выезжайте на место, будете вести дело. Держите меня в курсе.

Улицы высохли. В воздухе пахло весной. Въезжая на стоянку возле церкви, он спугнул стаю голубей. Они сделали круг над крышами — в чистом, как воспоминание, небе.

— Здравствуй, — коротко сказал он, не вынимая рук из карманов плаща, вышедшему к нему священнику. Неф был пронизан копьями света из алтарных окон. За окнами безмолвно волновались ветви. В церкви негромко звучал орган: высокое безучастие хора.

— У нас уже были из полиции...

— Теперь пришел я.

— Ты, как всегда, любезен.

— Я задам тебе только один вопрос: ты кого-нибудь подозре-
ваешь?

— А ты?

— Всё ясно. Позволь мне посмотреть... пустое место.

— Похищен апостол из короба алтаря. Священник повернулся к свету.

— Ты меня можешь оставить одного?

— Как тебе будет угодно.

Шмидт постоял перед сооружением из воздуха и витого дерева, тянотеющего ввысь. Потом пошел к выходу между рядами поблескивающих черных кресел. Шаги его, расширяясь, заполняли свод. У дверей он помедлил, еще раз посмотрел в пушистое от света окно в коробе алтаря.

Хорал умолк, и в портале Шмидта встретил шум весеннего города. Он провел рукой по колонне, поглядел на серый след на

пальцах... Спускаясь по ступеням и натягивая перчатки, оглянулся на грудь ангелов и воинов в тимпане портала.

В полицейском участке он бегло просмотрел протокол и переговорил с ведущим предварительное следствие лейтенантом Клаусом Шнитке, своим приятелем. Тот сообщил, что у него есть на подозрении один тип, недавно вышедший из тюрьмы. И он, Шнитке, собирается за него взяться и будет держать Шмидта в курсе.

Пробираясь на машине в тени узкой кривой улицы, Шмидт одной рукой держал руль, курил, стряхивая снежный пепел на шоколадный бок автомобиля, и перебирал в голове материалы предварительного расследования — скудные, как кладка крепостной стены слева. Колеса трепетали по булыжнику.

Никаких отпечатков пальцев, никаких следов, никто ничего не видел и не слышал, никаких следов взлома, сторож утверждает, что не спал, опрос прихожан ничего не дал, подозрительных личностей в церкви накануне ограбления не замечено... Так. Шмидт вывернул на набережную, выбросил недокуренную сигарету, решительно нажал газ. Под порывом ветра зеркало реки словно запотело. Ветер стих, и за исчезающим пятном снова появился сумрачный двойник, точно из булавок составленного собора. Шмидт мчался мимо.

Через минуту он затормозил у одного из особняков: над вторым этажом сложно сочетались друг с другом островерхие мансарды.

Хозяин оказался дома. Шмидт отдал визитную карточку. Его попросили подождать в гостиной. Картины, старая бронза... Шмидт потрогал головку амура, веселящегося на часах. Как будто сорвавшись с тишины, с хрипотцой заговорили молоточки курантов. Шмидт посмотрел на тонкую пыль, оставшуюся на пальцах. Солнце весело пробивалось сквозь портьеры в просветленную загадочность зала.

— Рад тебя видеть, — шумно появился хозяин в шлафроке.

— Я по делу.

— Присаживайся.

Они сели друг против друга за овальный стол с пышным канделябром посередине. Шмидт потер ладонью, поцарапал черное, непроницаемое дерево.

— Вчера, в церкви святого Иакова украли апостола из алтаря.

— Хо-хо.

— Я хочу знать, можешь ты назвать в своей среде того, кто способен на это?

— Ты ставишь трудные вопросы.

— Я веду трудное дело.

— Нужно подумать.

— Подумай. Кстати, что ты знаешь о двух предыдущих кражах из этой церкви?

— М-м-м... Дева Мария исчезла лет двадцать назад. Нигде не всплыла. Мне, по крайней мере, ничего не известно (а мне много чего известно). Дело закрыли за полным отсутствием улик. Впрочем, ты ведь сам можешь с ним ознакомиться. А что касается третьей фигуры композиции, аллегорической фигуры Смерти, то она пропала еще в войну при невыясненных обстоятельствах. На ту пропажу даже дела не заводили, сам понимаешь...

— Хорошо. Вернемся к первому вопросу: кто из коллекционеров может купить апостола?

— Вот это уже другой вопрос, на него уже можно отвечать, хотя и с некоторым опасением.

— Твое реноме не пострадает, — ты же знаешь, все останется в полнейшей тайне. У меня нет ни единой отправной точки, помоги мне.

— Как живешь, Отто?

— А вы, господин фон Розенберг?

— Ты все не отделался от своей дурацкой привычки отвечать вопросом на вопрос?

— Это моя профессия.

— Как Мария?

— Все также, умирает. Так что же мой вопрос?

Фон Розенберг помолчал, задумчиво глядя на черную листовку подсвечника и барабана пальцами по столу.

— Единственный человек, который мог купить апостола — это отставной советник фон Эйнбек. Более того, я почти уверен, что апостол сейчас — у него. Как ты сам понимаешь, я не буду открывать свои соображения. Однако... я более чем уверен. Но знай, что Эйнбека очень трудно взять... да какой там, я тебе точно скажу — просто невозможно. Если советник задумал серьезное,,, приобретение, скажем так, — он сделает всё таким образом, что будет чист как грешник после отпущения грехов. Ты его не возь-

мешь.

— Это уж моя забота, Розенберг.

— Как знаешь. Ищущий да обрящет. Шмидт встал.

— Передавай привет Марии...

— Непременно. Фон Розенберг сжал кулак — и кулак задрожал на черном неподвижном столе.

— Ты не человек, ты не человек, у тебя вместо сердца полицейская бляха... ты отнял ее у меня, и теперь она поддыхает, брошенная, а ты... ты связался со шлюхой...

— Держите себя в руках, господин... советник. В наступившем молчании было слышно, как дышит камин, сдувая с витиеватой решетки пепел каких-то сгоревших писем. На лепном потолке солнечные зайчики играли в пятнашки.

— Еще один вопрос, Розенберг, — Шмидт был уже в дверях, скользя пальцем по золотому шнуру филенки. — Может фон Эйнек приобрести апостола для перепродажи? Фон Розенберг, уже разжав кулак и снова барабанил пальцами по столу, значительно посмотрел на Шмидта: — Советник в отставке фон Эйнек покупает только для себя. Он любит искусство.

В префектуре Шмидт запросил из архива старое дело о похищении скульптуры Девы Марии из алтаря церкви св.Ивакова. Потом заглянул в отдел информации.

Он прошел сквозь стадо окрашенных под слоновую кость компьютерных блоков к склонившейся над столом девушке и положил свою широкую ладонь со вздувшимися венами на ее — узкую и гладкую.

— А, ты?

— Мне нужны сведения о советнике в отставке фон Эйнеке.

— Сейчас, подожди секунду.

— Не сходить ли нам сегодня в ресторан?

— Можно... — девушка производила под лупой какие-то замеры циркулем и записывала результаты в журнал. Берясь за авторучку, она опускала лупу на измятый листок, — и буквы под толстым стеклом приобретали значение, неведомое их соседям вне черной пластмассовой оправы.

— Как, говоришь, имя? — спросила девушка, вставая и откидывая волосы со лба, — там устало разглаживались ранние морщинки.

— Советник в отставке фон Эйнек, коллекционер. — Девушка вышла. Шмидт взял в руки серпантин перфорированной ленты, повисшей из рта выводного блока. Посмотрел сквозь нее на потускневший мир, потом бросил ее, и она сухо зашелестела, как просыпавшийся песок.

— Иди к дисплею, — позвала его девушка из соседней комнаты.

Обнимая ее за плечи и губами играя ее волосами, Шмидт смотрел на экран с судорожно сокращавшейся на нем инфрузорией курсора: 50 лет, холост, родственников нет, не состоит, не замечен, банковский счет... Гудела и попыхивала под потолком неисправная лампа.

— Не густо.

— Ты его подозреваешь?

— Нет. Один мой приятель хочет завязать с советником деловые отношения и проверяет его репутацию. Так что же насчет ресторана?

— Не ты ли сам этот приятель?

— Я заеду за тобой в восемь.

— Для тебя это дело — хороший случай продвинуться.

— Итак, в восемь, пока.

— Знаешь, Шмидт, с тобой бывает поразительно скучно.

— Возможно, Инга... кстати, где все?

— Они в кафе напротив. У Кранца сегодня день рождения, он угощает.

— А ты что не пошла?

— Срочная работа. Послушай, Шмидт, почему ты считаешься только со своими желаниями? Ты эгоист, каких мало.

— Возможно. Так значит, в восемь?

— Я сегодня неважно себя чувствую.

— Только что ты себя чувствовала хорошо. Впрочем, как знаешь... Но я на всякий случай заеду. Пока.

Оставшись одна, Инга долго перебирала меж пальцев перфорированную ленту, как будто считывая. Потом сжала кулаки — и разорвала ее.

В черном провале кафе конвульсировала гитара, а на столах пламенели кровавые пузыри ламп.

— Где тебя черт носит? Я тебя всюду искал, — приветствовал Шмидта у стойки виновник торжества.

— Макс, мне нужно поговорить с тобой.

— Ты бы хоть выпил за мое здоровье...

— Я за рулем.

— Ты неисправим. Я сейчас... В холле Шмидт показал ему фотографию из "Дела о Марии".

— Да, припоминаю... Отпечаток странного предмета на пыльном основании короба. Все, что мы могли обнаружить при осмотре. Я долго ломал голову, но так ни к чему и не пришел.

— У тебя написано в заключении, что это, по твоему мнению, след, оставленный насекомым.

— Что-то ведь нужно было написать. Сказать по правде, это мог быть след чего угодно.

— У тебя, быть может, были соображения, которые ты не нашел нужным включать в дело?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты меня не понял. Я имею в виду фантазии, которые ты потом счел несерьезными.

— Нет, ровным счетом никаких фантазий.

— А жаль.

— У меня другой стиль работы, Отто.

— Понимаю.

— Может, все-таки выпьешь?

— Нет, мне нужно спешить.

— Или хотя бы поздравить?

— Да, извини, забыл. Прими мои самые сердечные поздравления.

— Чудак человек... — произнес, покачав головой Макс, возвратившись в компанию. — Но обладает замечательным присутствием духа.

— За те два месяца, что он у нас, я не смогла в нем обнаружить присутствия чего-либо, кроме полного отсутствия такта, — сказала женщина с брезгливым ртом.

— У него умирает... жена, — ответил Макс.

— Это не мешает ему быть мнящей о себе бездарностью. Выгнали в одном месте, выгонят и в другом, — возразила женщина.

Через полчаса Шмидт затормозил у гаштета в Старом городе, в котором обыкновенно обедал. "У серебряной звезды" — так называлось место.

Это название напоминало ему о Гриммельсхаузене — авторе, которого он особенно любил: фантаст и компилятор, делающий искусство из ничего.

Напоминала ему о Симплициссмусе в Тридцатилетней войне и внутренность кабачка. По стенам были развешаны кирасы, секиры и шпаги, с потолка свисали на цепях шлемы, а стулья с высокими резными спинками и замысловатая стойка были, видимо, похожи на те, что находились у самого Гриммельсхаузена в его трактире под той же вывеской: "У серебряной звезды".

Шмидт заказал венские сосиски и пиво. Посасывая из непроливаемой черной тяжелой глиняной кружки и мучая вилкой упругую колбаску, он глядел на фотографию с отпечатком странного предмета в пыли двадцатилетней давности. Вместе с отпечатком был сфотографирован пфенинг: отпечаток был чуть меньше монеты. Действительно, напоминает насекомое, танец насекомого — бабочки, которая кружилась в вальсе, касаясь земли крылом, как подхваченным рукой подолом платья: незамкнутая окружность, стремящаяся стать спиралью.

Шмидт закурил, затаился, медленно стал выпускать дым, глядя на толстую витую струю, на мореный дуб панелей, выпустивших щупальца копий на беленные стены. Взгляд Шмидта ~~остановился~~ остановился на наплечниках с прикрепленной к ним нижней частью забрала (надгробие крестоносца работы Фейта Штосса, XV век, — мелькнуло у него). Всякий раз, когда Шмидт закуривал, неподвижно сидя в тишине и одиночестве, его посещало одно чувство: странно, почему не рушатся эти застывшие вокруг него предметы и конструкции, почему не запляшут в бешеной пляске? Ведь они только приворяются, что безвольны и молчаливы, — а на самом деле копят и копят, еле сдерживаясь... Вошла пара, появился хозяин. Шмидт успел заметить перевитые концы белого шарфа, повязанного на шее у девушки. А когда пара села в соседнее отделение, над спинной скамьи оказалась видна вязаная шапочка с приколотой к ней пластмассовой розой. Роза. Роза, роза. О чем он только что думал? О пляске предметов. Не то. Роза звала его назад. Он обвел взглядом помещение. Ах да, о надгробии крестоносца работы Штосса: Шмидт глядел сейчас на наплечники с забралом. Но поче-

му роза?... Розенкрейцеры. Братства Розенкрейцеров начали создаваться в конце пятнадцатого века. Шмидт глубоко затаился и, обжигая пальцы, в рассеянности потушил окурок о спинку скамьи. Брызнули и потекли по черному дереву красные искры. Шмидт глядел на фотографию с отпечатком неизвестного предмета. Эту винтовую линию оставили не крылья бабочки. Ее оставили лепестки розы. У розенкрейцеров бусины четок делались в виде розочек. В алтаре св.Иакова двадцать лет назад пыли коснулись четки. Шмидт бросил на стол деньги и быстро вышел.

Город пронесся мимо него бесплотной неразберихой. У своего дома Шмидт резко затормозил. Недовольно взвизгнули тормоза и захрипели шины.

Дома он отыскал ~~эту~~ книгу, в которой когда-то читал о розенкрейцерах: "Их общины дожили до наших дней, а, по некоторым сведениям, ответвления ордена пронизывают все общество. Мистицизм их учения сочетается с крайним фанатизмом, а их логи наминают франкмасонские сложной иерархией и строгой секретностью. Основу их учения составляет культ Девы Марии, непорочность и чистота которой находят свое символическое воплощение в Розе. Венки их роз — розарии — распространенный орнаментальный мотив искусства розенкрейцеров. Розарием являются и четки, где каждая бусина, вырезанная в виде розы — это прекрасная молитва в венке славословий Деве".

Шмидт отложил книгу. Закурил. Предметы опять приготовились к экстатической пляске. Будем исходить из самого невероятного предположения — ибо только оно и есть в нашем распоряжении: мы ничего не потеряем, но можем сорвать банк. Преступник — духовное лицо. Возможно, розенкрейцер. Оставили ли след подвешенные к поясу четки случайно, или отпечаток — намеренно оставленный знак, тайное предупреждение непосвященным, не важно. Важно то, что кражу совершил священник (или член ордена). Будем считать маловероятным (другого нам не остается), что он похитил скульптуру из корыстных или чисто эстетических побуждений. Не будем считать его ни спекулянтом, ни коллекционером (в противном случае мы ни на шаг не продвинемся) и будем надеяться, что наши предположения верны. Кража совершена из религиозных побуждений. Каких именно? Это нам предстоит выяснить.

Шмидт подошел к окну, отдернул занавеску. Увидел черное

пламя Бога — собор, и садящееся за его башнями кровавое солнце. Постоял у окна, наблюдая как рваные края сиреневых облаков накаляются, темнеют малиновым огнем, как будто стараются пробудить его память. Он прошел к полкам (стены в комнате были заставлены шкафами, а шкафы — забиты книгами): сумерки золотились переплетами. Прежде, в такие минуты ему казалось, что всё это уже когда-то было; теперь всё это еще раз когда-нибудь будет. Шмидт вынул книгу, открыл фронтиспис: пожирающая свой хвост змея, а в кольцо ее тела — бюргеры, крестьяне, воины и ученые. "Вечный календарь" Гриммельсхаузена. Я недаром тебя любил. И ты вознаградил меня за долгие годы преданности. Он перелистнул жесткие страницы: на одной из них были отмечены — чернилами, веками выцветавшими — прочитанные еще в детстве слова: "В году есть шесть дней, и если кто в эти дни порежется, уколется, или примет лекарство, или съест мясо утки, тот непременно умрет в течение четырех или, в крайнем случае, двенадцати дней; также, кто в эти дни продаст или купит, тому не видать больше ни товара, ни денег; если же кто в эти самые дни родился, тому не миновать бесславного конца... Первый из этих дней — это день Богоматери на Великий пост... шестой день — это последний день-понедельник февраля...". Он поставил книгу на место, нашел другую: Немецкая скульптура, том третий. На суперобложке воспроизведен слепо улыбающийся портрет королевы Кунигунды.

Шмидт долго читал в кожаном продавленном кресле у окна, положив книгу на колени. Сумерки затопили комнату. Он включил настольную лампу, окно стало черным (за ним открылась еще одна комната), и сразу наступила ночь. Шмидт посмотрел на часы: пол восьмого. Из кресла дотянулся до телефона, поставил его на раскрытую книгу (тень улеглась на страницу), набрал номер.

— Ты?... Помолчал. — Как сегодня?... Был?... Еще молчание, проколотое коготками ходиков. — Да, я очень занят. Приеду к тебе послезавтра... Целую. — Набрал другой номер. — Доктор? Это Шмидт... да-да, я знаю. — Молчание. — Скажите, сколько ей еще?... Вот как?... Ну что ж, спасибо за откровенность, всего хорошего.

Это невероятно. Это слишком невероятно... и поэтому стоит проверить. Кредо квиа абсурдум. Он смотрел на фотографию алтаря, потом переворачивал треть книги и изучал другую фотографию, затем снова возвращался к первой. Наконец, он встал, прошел в

спальню, — кровать там была разобрана, разбросана одежда, — и при свете ночника, скрадывавшего тайную жизнь вещей, переоделся в вечерний костюм, посмотрелся, поправляя галстук, в овальное зеркало — окно в похожий на наш, но уже совершенно недоступный мир.

В отблесках разноцветного **огня**, растекавшегося по кузовам автомобилей, лицо Шмидта хранило печать сосредоточенной задумчивости. Одной рукой он уверенно направлял машину, в другой держал сигарету — при затяжках она прогоняла с его лица мертвый свет и озаряла его жарким пламенем горящих городов и диких кочевий.

Выбравшись из нового города, Шмидт въехал в узкую улицу, где белые фонари задумчиво потупились на булыжную мостовую. Машина остановилась: фасад особняка, не успев завершить какой-то сложный выкрутас, замер в неудобной позе на крыше автомобиля.

Шмидт прошел мимо уснувшей за вязаньем консержки на третий этаж (его проводил взглядом черный кот, пусто блеснув крейцерами глаз). Шмидт повернул ручку звонка, подождал, еще раз повернул латунное кружево, прислушиваясь... Постучал в дверь кулаком в черной перчатке.

Пожал плечами и *х* стал медленно спускаться. Шаги ширились и возносились, как в соборе. На площадке второго этажа он закурил, посмотрел во двор: огромная липа осеняла голыми ветвями темное молчание колючих крыш.

На улице Шмидт поднял глаза к оскалившейся химере, несшей на спине полуциркульный эркер. Эркер был темен. Только вишневые люнеты под крышами бросали блик на пустынно-шершавую стену.

Шмидт сел в машину и стал неспеша пробираться в глубь Старого города. Колеса трепетали по булыжнику. По кузову растягивались фасады.

В то время как Шмидт был внизу, за жалюзи в полуциркульном эркере стояли двое, исполосованные тенью.

— Так будет лучше.

— Нехорошо как-то...

— Все хорошо, Клаус. Инга дернула шнур — зло звякнули пластинки, погружая стоявших во мрак.

Шмидт остановил машину у самой паперти, взбежал по ступе-

ням и столкнулся в дверях со священником. Тот отступил назад, выпуская Шмидта.

В церкви было темно. Мужчины стояли друг против друга: Шмидт, засунув руки в карманы подпоясанного плаща; священник — в застегнутом на все пуговицы длиннополном сюртуке, с тростью в руках. Вдали, за стеклами алтарных окон, зеленовато светились под фонарем ветви — как продолжения черных линий алтаря.

— Хорошо, что я тебя так удачно застал. Я тебя не задержу.

— А ты не подумал о том, что я просто не захочу выслушивать твоих вопросов? Я дал показания, с меня довольно.

— Что это на тебя нашло, святой отец?

— На меня-то ничего не нашло. А вот ты на себя как-нибудь посмотри со стороны. В преследовании своих целей — ничтожных целей, заметь — ты используешь людей как шахматные фигуры. Вне твоих сумасбродных игр они тебе не нужны. Но знай, что они не только марионетки, что у них есть и с в о я жизнь, ты понимаешь? — своя.

— Я ничего не имею против.

— Да, но ты ничего не имел и за. Когда люди переставали интересоваться тобой в шахматных партиях твоих честолюбивых страстишек, ты просто перешагивал через них, не замечая...

— Прибереги свое красноречие и пыл для проповеди, мне недосуг выслушивать твои напыщенные инвективы.

— Вот-вот! Тебе никогда не хватало времени, чтобы выслушать других, а все потому, что все должны были слушать тебя.

— Люди слушают того, кого им интереснее слушать.

— Ты... ты, знаешь, кто?.. Я был пять лет в колледже и три года в университете в твоей тени, лучшие годы моей жизни... я слушал тебя, открыв рот — а когда закрыл, было поздно. Я отказался от карьеры, от блестящих предложений, я убивал свое время на тебя, я... я зарабатывал тебе деньги, я был твоим ходатаем, секретарем, я был твоей машинисткой...

— Деникве, — вставил Шмидт.

— Замолчи. Я забросил свои занятия, я отказался от блестящей партии...

— Вот с того, что ты приберег к концу, и нужно было начинать. Но учти, я не виноват в том, что она вильнула хвостом у тебя перед носом. Женщины любят не добродетельных, а гениальных.

— Ты не смеешь! .. Ты не представляешь, как ты зол и ничтожен... Я погубил свою жизнь ради черствого бездаря, ради паразита...

— Вы забываетесь, святой отец, — резко оборвал священника Шмидт и после краткой паузы закончил уже обычным тоном: — Вы впадаете сразу в три смертных греха: в гнев, зависть и лживость. Я вам их отпускаю, только посоветую на будущее держать себя в руках. — Шмидт помолчал. Лицо священника было черно. Лицо же его собеседника — слабо озарено от драгоценных ветвей за алтарем.

— Вы имеете еще что-нибудь сказать? Тогда ответьте на вопрос: есть ли из церкви какой-нибудь выход через подвалы? — Священник ударил концом трости о каменный пол. Шумно и широко ответило пространство.

— Из церкви ведет подземный ход в винный погреб на площади. Но о нем не знает ни одна живая душа, кроме меня.

— А ты сам не мог вынести статую?

— Именно я и сделал это.

— Почему ты не сообщил в полицию о подземном ходе?

— Мне его показал мой предшественник, мы с ним были большие друзья. За последние двадцать лет о ходе знали только он да я. Кроме того, подземелья и склепы — это святая святых храма, его память, и мне не хотелось бы, чтобы там шарил полиция. Если хочешь, пойдем, я покажу его.

— Буду весьма признателен, но только в другой раз. А теперь не смею больше задерживать. — Они вышли на паперть.

— Тебя подвезти?

— Нет, благодарю, я хожу пешком.

Шмидт глядел священнику вслед, когда тот, стуча тростью, пересекал мертвенно освещенную площадь, а затем скрылся в темной улице (как-то им случилось в очередной раз поспорить, и вдруг в разгар спора Шмидт замолчал, а потом вне связи с разговором неожиданно спросил: ты кто? — и сидящий напротив также неожиданно ответил: не знаю).

Шмидт поднял голову — над храмом стояли звезды — и оглядел смутный холодный простор: в нем витал тот непередаваемый запах, который слышится, когда новые надежды встречаются со старыми воспоминаниями.

На следующее утро Шмидт сидел в кабинете шефа, только что сообщив ему, что должен покинуть город на неопределенное время для сбора материала.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Да. Но мне хотелось бы попридержать свои подозрения при себе, — пока на руках у меня не будет достаточно доказательств.

— Молодой человек, разрешите отеческий совет?

— Сделайте любезность.

— Мне кажется, вы слишком увлекаетесь романтической стороной следственного процесса. Время гениальных одиночек давно прошло. Возможно, их время существовало лишь на страницах захватывающих книг. В наш век технического прогресса и коллективных усилий гораздо более действенный, хотя, допускаю, и менее почетный путь — это впрячься в общую лямку. Я ни в коей мере не собираюсь совать вам палки в колеса, вы человек талантливый, вне всякого сомнения, — но для пользы дела, я думаю, вам следует делиться с коллегами (ум хорошо, а два лучше) и, в частности, со мной. Как-никак, а именно я несу основную ответственность за ведение дела.

— Я приму ваши замечания к сведению.

— Поверьте, я не имел в виду вас задеть; не говоря о том, чтобы воспринимать сказанное, как выговор.

— Не беспокойтесь, господин префект, я понимаю вас так, как должно.

— Вот и хорошо. А в остальном я не ограничиваю вашей инициативы.

— Так, значит, я отсутствую, сколько мне потребуется?

— Как вам будет угодно. Жду результатов. Префект снял трубку зазвонившего телефона. Шмидт помедлил, прислушиваясь к доносившейся откуда-то мелодии. Неторопливая и задумчивая, она ограничивалась тремя-четырьмя нотами. Префект у телефона, письменный стол с бумагами, крыши за распахнутым окном, за полупрозрачными надувшимися занавесками — служили печальным аккомпанементом.

Из префектуры Шмидт заехал в гараж. Долго копался в ящиках с инструментами, громко перебирая их косное нутро. Взял с полки склянку темного стекла с сургучной пробкой, с вертака стрёб брезент. Складывая свои приобретения в машину, наступил

на бархатные масляные пятна. Место действия освещала пыльная лампочка под черным колпаком.

Через час Шмидт выехал на автостраду М.—Н.

Машина летела по проложенной напрямик через пологие холмы, блистающей под солнцем ленте. Стрелка спидометра приближалась к пределу. Веселые домики под красной черепицей и рощицы в поймах речек расступались и бежали прочь, машина с гулким шорохом резала зазеленевшие поля. Одной рукой Шмидт придерживал руль, в другой, как всегда, была сигарета. Он был без шляпы, и ветер, как старый друг, и старший товарищ, трепал его светлые волосы. Щелкнув кнопкой, Шмидт искал волну, роняя медленный, как снег, пепел, — приемник несколько раз всхлипнул, — и тягучая среда Пинк Флойда затопила салон и мир. Все окружающее словно зажило растительной жизнью глубин, и только автомобиль не утратил стремительности.

Шмидт, вглядываясь туда, где шоссе сжималось до нитки, медленно выпускал дым витыми жгутами, которые ветер торопливо хватал и расщипывал, и уносил за окно, а огонек на кончике сигареты, такой неуместный в ослепительном утре, продолжал тайно вздыхать о диких кочевьях и горящих городах.

Солнце стояло еще высоко, когда Шмидт въехал на площадь перед церковью Богоматери в К.

Закопченный кирпич. Пламенеющая роза над фронтоном портала. Сочащиеся светом облака. Из церкви вышли с алыми розами в руках девушки-конфирмантки — на их белые платья было больно смотреть.

В храме изливался храл. Стебли колонн распускались и плели сеть в шумящей высоте. Шла служба: санктус ин номине кристи.. На алтаре горели свечи в дрожащих огнями серебряных подсвечниках. Шмидт приблизился, обошел мужчину, преклонившего колена на подстеленную газету, внимательно посмотрел в золотое нутро короба. Потом прошел в боковой неф, скользнул взглядом по скульптурам в нишах, оценивая расстояние от пола до пьедестала.

Оставшуюся часть дня Шмидт бродил по городским закоулкам. В одном из дворигов наткнулся на маленький гаштет, отфутболив мальчишкам мяч по заросшему травой булыжнику и поднырнув под

сушившееся на солнце белье: белые комбинации и лифчики, сочащиеся светом.

В гаштете пил пиво и рассматривал купленный в киоске проспект. За соседним столиком сидел пожилой рабочий и вытирал платком потное лицо, положив засаленную кепку рядом с кружкой. Пена серебряно сияла в лучах низкого солнца.

Шмидт вернулся в церковь к поздней обедне (заглянув предварительно в машину и сложив в кейс взятые в гараже инструменты и сунув в карман флакон и фонарик).

Народу было мало. Шмидт почти вплотную подошел к алтарю и долго рассматривал скульптуру (красные мантии и голубые, усыпанные звездами исподы; желтые лики). За окнами темнело. Витражи превращались в цветные зеркала. Органист брал аккорды между речитативами священника — и женщины крестились. Шмидт отошел за молящихся, оглянулся, шагнул в боковой неф — там никого не было. Тогда он сделал несколько быстрых бесшумных шагов к нише, поставил в нее кейс, рывком подтянулся, помог себе коленом, — и оказался в тени за изваянием.

Ожидание наполнилось неразборчивыми словами, переходящими в шумный шопот, и звучными шагами, сразу растворяющимися.

Хлопнула дверь, еще раз. Пронесли свечи. Запахло воском, потом розами. Потушили свет. Кто-то прошел с фонариками, закручивая могучую тень пилонна...

Когда Шмидт осторожно спустился из ниши, была уже глубокая ночь. Он достал флакон и смочил из него носовой платок. Подошел к пилону и бросил монету. Затем еще одну: два звонких зигзага в темной пустоте. — Где-то возникло движение, и вот уже слышны шаги: как будто на одном месте, но только все громче, громче. Конус света рыскает по полу, и от него шарахаются тени колонн.

Когда служба (он шел по центральному нефу) оказался у пилонна, за которым стоял Шмидт, тот неслышно прошел к нему за спину. Служка остановился, шаря световым конусом под устоем, потом задрал голову вместе с лучом. Опустить ее он не успел. Загремел фонарик, уличив — после того как описал на плитах полукруг — виновника возникшего шума: монету. Сторож несколько секунд боролся, но потом, так и не сумев оторвать от лица руки Шмидта, судорожно вздохнул и обмяк. Шмидт подержал его не-

которое время, а затем опустил на пол, сняв платок с его умиротворенного лица. Фонарик же все продолжал уличать монету.

Вскоре Шмидт уже уносился в изредка взрывающуюся встречными фарами ночь — из города К., от Мариенкирхи.

Заднее сидение в машине было откинута, и там помещался завернутый в брезент громоздкий предмет.

Утром в префектуре Шмидта ждала новость: в день его отсутствия арестован тот самый человек, которым обещал заняться Клаус Шнитке, — некто Ганс Мюллер. При обыске у него обнаружена расписка в получении неким +++ тридцати тысяч марок (арестован Мюллер по делу о хищении, которое считалось закрытым; обнаружившиеся новые факты позволили напасть на след шайки, был арестован один из ее членов, он и выдал Мюллера). Арестованный отказывается объяснить, как к нему попала расписка и кто скрывается за инициалами +++, а также назвать имя лица, уплатившего ему деньги (имя, указанное в расписке — фиктивно). Предварительное сличение почерков позволяет предположить, что расписка написана рукой арестованного, но окончательный вывод нуждается в графологическом анализе. Однако, лейтенант Шнитке уже и сейчас убежден, что названная сумма получена Мюллером и получена им за опостола, украденного из церкви св.Иакова.

Из префектуры Шмидт вышел вместе с Ингой. Утро опять было солнечное, радостное. Шмидт отломал в палисаднике ветку тополя, потрогал почки: они были клейкими и пахли горьким.

— Где ты была позавчера? Я заезжал...

— А где ты был вчера?

— Инга, мне необходимо твое участие, поддержка...

— А мне твое, Шмидт.

— Ты опять не понимаешь меня.

— Мы давно не понимаем друг друга.

Они прошли мимо цветочного ларька. Шмидт отстал, купил тюльпаны, Догоняя Ингу, обратил внимание на вкравшиеся в винно-красный шелк лепестков желтые жилки.

— Это тебе.

— Спасибо. По какому, будем считать, поводу?

— На радостях. Я вчера, можно сказать, закрыл одно дело и наполовину свалил другое.

— Поздравляю. А арест Мюллера не нарушил твоих рассуждений?

— Скорее, дополнил.

— Да, к слову, я тоже посмотрела расписку и сличила, в первом приближении, почерка. Клаус со своими граматеями ошибся, я почти уверена. Но самое интересное, знаешь, что? — Она сделала паузу. Шмидт вопросительно поглядел. — Почерк написавшего расписку, поразительно похож на твой.

— Да, действительно, интересно. Пообедаем вместе?

— Нет, не успеваю, я обещалась к маме в одиннадцать.

— Ну что ж... в префектуре меня не будет сегодня, а возможно, и завтра целый день.

— Я тоже всю неделю буду занята.

— Жаль, мы могли бы где-нибудь посидеть, отпраздновать мой успех. Я позвоню на всякий случай.

— Звони, но я ничего не обещаю. Отто, а про почерк я серьезно. — Она достала из чернолаковой сумочки тускло-красную записную книжку и вырвала из нее листок. — Напиши, пожалуйста, расписку, я продиктую.

— Что за чудачества?

— Даже если это не твой почерк, — улыбаясь сказала Инга, принимая обратно горящие тюльпаны и поправляя под черным бархатным беретом рыжинкой отсвечивающие волосы, — твоя расписка поможет мне при анализе. Да и выявить различия в столь похожих почерках — значит приобрести немалый опыт.

— С чего ты взялась за расписку? Это работа штатного графолога.

— Мне хочется применить то, чему меня учили в университете. Надоело сидеть за машиной. Шмидт пожал плечами, положил кейс на чугунный столбик, — по изрисованной тенью дорожке сквера женщина катила настырно-желтую коляску, посмотрела в их сторону, — ручки у Инги не оказалось, Шмидт порылся в кейсе, зашелкнул его и написал под диктовку расписку в получении тридцати тысяч марок. Отдал листок Инге. Та сунула его обратно в записную книжку, пропев по ее ребристой обложке перламутровым ногтем.

— Спасибо.

— Я провожу тебя.

— Как хочешь.

На набережной они прошли мимо пестрых шатров над лотками букинистов. Шмидт машинально скользнул взглядом по веленевым переплетам. Один из торговцев услужливо посмотрел на него. Инга чему-то улыбалась. Шмидт был серьезен и задумчив. Взял конец ее длинного алого шарфа и приложился к нему, как к знамени.

— Что за причуды?

— У каждого свои.

С реки дул холодный ветер, — над красными ватерлиниями на черных бортах буксиров солнце сучило хрустальную нитку отражений, — пахло водой, почками и все тем же неуловимым, имя чему каждую весну безуспешно стараешься вспомнить.

Вечером того же дня перед домом номер... по Старой улице (по сторонам забранного решеткой крыльца в нишах сидели каменно-насупившиеся совы) стоял чернобородый мужчина в плаще и шляпе. Шляпа была чуть сдвинута набок, словно для того, чтобы углубить тень, в которой прятался шрам, пересекавший щеку мужчины от виска к уголку скептического рта. Начищенная бронзовая табличка сообщала, что здесь проживает г. Нойхарт фон Эйнебек, действительный статский советник в отставке. Солнце уже скрылось, и горящая вата облаков заставляла здания краснеть — как будто от какого-то мучительного воспоминания.

В передней гость бросил визитную карточку на ее тусклого двойника в серебряном гравированном подносе: его унес седой старичок в черном сюртуке — над крючковатым носом старичка на безволосых бровных дугах навек застыли складки каких-то скорбей. Вернувшись, слуга принял у гостя плащ и шляпу и распахнул дверь в приемную, просторное помещение с камином из змеевика в одном углу и темно-стальной скорлупой рыцаря — в другом. Слуга предложил мужчине со шрамом елизаветинское кресло у камина и попросил подождать, подкатив к креслу столик с бутылкой и двумя бокалами, пепельницей в виде рога тритона и чернолаковым ящичком с сигарами: вокруг соломенного золота хижин и гор лучились кайма из перламутровых летучих мышей, буйволов, сановников и бамбука. Бокалы тут же начали флиртовать с беглым синеватым пламенем в камине — преисполняясь медового соблазна, а в гранатовой глубине бутылки многозначительно засияли звезды. Форточки были открыты, и портьеры чуть шевелились, и вместе с ними приходили в движение вытканые рыцари и их дамы.

Гость закурил, долго не отпуская рычажок зажигалки и прислушиваясь к ее тихому трепету, осторожно напоминавшему о ревущих огненных фонтанах нефтяных скважин... За спиной посетителя открылась дверь. Поднимаясь и оборачиваясь, он ощутил ладонью какие-то резные сюжеты на угольно-черной спинке кресла.

— Чем обязан, господин Краудевиш?

— Мне рекомендовал вас... один ваш клиент, — отвечая на приветствие, проговорил гость. Улыбающееся лицо советника с широкими светлыми усами напоминало пухлую морду грызуна из сказок Андерсена, озаренную в норе пламенем очага...

— Так-так... присядем. Мужчины опустили в кресла.

— Выпьете?

— Не откажусь.

— Итак, чем могу быть полезен? — продолжая приветливо улыбаться, фон Эйнек наполнил бокалы. Рысая, скатилась по горлышку бутылки яркая капля. Тени предметов как будто дергали за невидимые нити беспокойные каминные саламандры.

— Буду с вами откровенен и не стану выдумывать небылиц.

— Так-так...

— Дело в том, что я нахожусь в затруднительном материальном положении. У меня есть одна деревянная скульптура, вам хорошо известная...

— Так-так, интересно...

— Как она ко мне попала, я не буду уточнять.

— Так-так...

— Я хочу ее вам продать.

— Вы уверены, что я смогу вам помочь?

— Эта скульптура — изображение Девы Марии из алтарной композиции церкви святого Иакова. — Улыбка слетела с благожелательного лица советника.

— Этого не может быть, — фон Эйнек вернул недалеко убежавшую улыбку.

— Скульптура со мной, в машине. — Советник уже был на стороже и тут же поймал за крылышки готового опять сбежать с его лица озорного путти.

— Вы меня разыгрываете, любезнейший.

— Вам не угодно взглянуть?

Советник, отпивая, поглядел Краудевишу в глаза: над огненным краем бокала предостерегающе собрались складки на мохнатой

переносище.

Старая улица оканчивалась тупиком. Там, под угрюмыми вершинами замка, в темном автомобиле сидел Краудевиц, облокотившись на руль и прислушиваясь к своему дыханию, шум которого в гортани и бронхах был похож на шум ветра в ущельях и провалах земли.

Следующая секунда начиналась раньше, чем кончалась предыдущая: так текло время в думах — точнее, стояло на месте, перебирая драгоценные игрушки памяти.

В противоположном конце улицы зажглись кровавые глаза габаритных фонарей. Краудевиц, не включая фар, не торопясь повел за ними кренящуюся на неровностях машину.

Глаза исчезли за поворотом. Появились снова. Опять чудовище стало задом заползать в очередной ход лабиринта, скашивая глаза и приглашая за собой.

В новом городе Краудевиц сократил расстояние между своей машиной и красным оппелем.

Истерические крики клаксонов. Бесшумный ритм белых витрин. Разноцветное пламя реклам, раздираемое полированной сталью.

На шоссе Краудевиц поотстал, пропустил машину-другую... Фонари безуспешно старались возвратить к действительности одержимый фольсваген. Наконец, они махнули рукой и отстали. Краудевиц включил ближний свет. Оппель впереди угадывался по слабому отсвету фар.

Покрышки с асфальтом говорили о скорости. Смутные деревья вдоль шоссе — о медленном — и уносящемся времени. Облака, похожие на песчаное ребристое дно мелководья — о месяце за ними.

Чудовище вдалеке опять подняло веки. Краудевиц стал тормозить. Подождал, пока оно снова задремлет, и свернул за ним на боковую дорогу. Оппель проехал мимо группы коттеджей с глухими ставнями, по его панцирю скользнули змейки фонарного света. Дорога упиралась в одиноко стоящий особняк. У его ворот глаза налились кровью еще раз.

Некоторое время дом был темен. Потом открыл одно око, затем другое... перенимая стражу от уснувшего оппеля.

"Птичка в клетке", — произнес Краудевиц, отклеивая накладную бороду; затем стал сковыривать шрам. Закурил, поглядев на кончик сигареты, похожий на раскаленную земляничину. Доверитель-

но светились салатные капельки приборов. С наслаждением затаился, откинув голову и наблюдая сложное облако дыма — сказочно-грозовое в свете фонарей. Долго сидел так, неподвижно, — левая рука в лоснящейся перчатке на руле, — неспеша, глубоко затягиваясь и продлевая сказку табачной фата-морганы. Потом крепко замял ни в чем не повинный окурок и вышел из машины.

Морское дно неба стало еще светлее. На вспаханной пашне блестели камни. За ней что-то возвещал лес. Ветер трепал волосы, — шляпа осталась дожидаться хозяина на сиденье.

— Мария, — тихо сказал Шмидт, мягко нащелкнув номер, — как ты?... Губы его касались трубки. — У меня сегодня был трудный день, я никак не мог заехать. Я буду у тебя завтра в полдень. Я тебя очень, очень люблю. Я сегодня перехитрил вора, и он сам привел меня к похищенному. Теперь я, наконец, покажу всем этим дурням, чего они стоят. Всё так невероятно. Знаешь, Мария, меня всегда удивляла одна мысль: жизнь наша состоит из одних случайностей, однако вопреки им мы достигаем цели. Начни мы минутой раньше, наше дело, следующая минута обернулась бы иной стороной; начни минутой позже, другая мысль первой пришла бы в голову и повлекла за собой иную цепь событий. Но как все пути ведут в Рим, так и любые комбинации приводят нас к единственной желанной цели, — если только мы во всех наших действиях ведомы вдохновением и если, конечно, нам везет. Сегодня мне повезло. Это свое произведение я посвящаю тебе. Не будь тебя, я не был бы собой — и не схватил бы этого прохвоста за шиворот. Это трудно объяснить, но это так... да-да, завтра я тебе все подробно расскажу... конечно, я целую тебя, много раз... спокойной ночи.

В особняке погасли окна. Выехав на шоссе, Шмидт выждал, пока красный оппель не откроет своих огненных глаз, выскивая спрятавшийся фольксваген, и — не отыскав или сделав вид, что не видит — не скроется, и медленно нажал газ, удивляя своей нерешительностью стрелку спидометра.

По пути домой Шмидт заехал в кафе и потребовал себе водки и вечерних газет. В одной из них он нашел то, что его интересовало: "Странное ограбление церкви Девы Марии в К.", — стояло в заголовке. Морщась от водки и от шлагера, мешавшего вникнуть в смысл слов, Шмидт пробежал глазами сообщение: "...украдена

скульптура XIX века, установленная в алтарном коробе вместо похищенной в начале позапрошлого столетия деревянного изваяния мастерской Штосса... остальные скульптуры алтаря работы той же мастерской не тронуты... сторож был усыплен хлороформом... нет ничего, что натолкнуло бы на след... мотивы неясны...". Уютный свет зеленого абажура делал эту заметку похожей на вымысел.

Наутро Шмидт был в нотариальной конторе местечка З. Контора помещалась в псевдоготическом здании: на второй этаж вел винтовая лестница, и ее перила вместе с нервюрами сводчатого потолка закручивались вокруг посетителя, как тропические лианы, уходящие в верхний ярус леса.

Нотариус, внимательные глаза которого, казалось, жили самостоятельной жизнью и знали, по-видимому, больше, чем их обладатель, — достал из старого шкапа один из пронумерованных гроссбухов, и книга, размяв хрустящие суставы, сообщила выцветшим голосом законоведа, что "интересующий господина следователя дом куплен господином Шпрингсфельдом, коммерсантом, у господина Азраила Канта, землевладельца, за тридцать тысяч марок; сделка состоялась двадцать второго февраля предыдущего года, то есть ровно год назад", — нотариус, сутулый пожилой мужчина в мятом черном костюме и несвежей сорочке, вежливо улыбался, но глаза его теперь из всезнающих сделались тусклыми и безжизненными. В помещении пахло сердечными каплями, книжной пылью и нечистым телом. "Вот, взгляните, и печать, и подписи, и копии с документов, все, как полагается", — равнодушно убеждал он, царапая чернильным заусенцем по записи, и улыбка его еле держалась на пергаментных складках плохо выбритого лица.

Лианы винтовой лестницы, поиграв со Шмидтом, выпустили его к машине: верный пучеглазый зверь с гнусавой мордой и шоколадной кожей понес хозяина в город (перед глазами Шмидта стояла истончавшаяся копия стальной доски с фасада конторы: Б р а т ь я Р о з е н к р е й ц е р ы и К^о — чернел стилизованный готический шрифт).

В кабинете нотариуса ожил телефон — и с ним вместе ожили глаза нотариуса и повели его к аппарату. Сквозь узкую щель в плотно задернутых шторах в комнату проникло на несколько секунд лезвие света, и на нем засверкала беспокойная пыль.

—... Я полистал монографии и выяснил, что Мария из церкви святого Иакова — это свободная реплика Богоматери из церкви в К. Попутно я узнал, что К. — один из центров движения розенкрейцеров. Остальное не составило труда. Я рассчитывал на то, что он не утерпит, потеряет бдительность и приведет меня туда, где он прячет апостола. Дом куплен через подставное лицо. Завтра я добьюсь ордера на обыск, и нам останется только дожидаться, когда наш захочет еще раз полюбоваться сочетанием рук апостола и Марии, — это и в самом деле чудо: рука апостола, напряженная, со вспухшими венами, совершенно живая, держит ее кисть — изумительно нежную, уже полную бессмертного покоя. Шмидт положил свою руку на руку Марии, лежащую поверх одеяла. — Мари, Мари... Он наклонился к ней, сжимая ее холодный, совсем крошечный кулачок, вцепившийся в пододеяльник. Коричневые веки были сомкнуты, из-под них сочились уже чужие им слезы.

Он вспомнил театр, где они познакомились, и первые взгляды, которыми там обменялись: вспомнил, как в смущении отводили те взгляды. Вспомнил пруд в деревне, в который смотрели — на себя, недоступных: где те отражения сейчас?... Кто-то налил нефти в пруд и поджег театр.

—Инга, сегодня мы должны отпраздновать мою победу; кроме того, через пять часов — ночь моего рождения. Я буду ждать тебя у Алых Роз... почему?... мне очень нужно тебя видеть, ты мне так сейчас нужна... вот как?... а, вот так..... ну и катись ты к черту! К черту, к черту! — ревела горящая нефть. Шмидт открыл глаза. За те полминуты, что они были закрыты, декорации поменялись. Шоссе сузилось и вырвалось из-под опеки фонарей. Сумерки вгрызались в безмятежность округа.

Шмидт доехал до коттеджей, зарулил на обочину, выключил двигатель. Колеса в последний раз хрустнули гравием.

Вечер был серый, холодный, под низким неряшливым небом. Шмидт зашел через пашню в тыл дому. В ботинки набилась земля с подсохших комьев. Над особняком на старых осинах готовились к ночлегу грачи и трещали, как сбиваемые кегли. Где-то гроыхала под ветром жесть. Шмидт высыпал землю из ботинка, покурил, прислонившись к гранитной стенке, наблюдая, как меркнет воздух, как холодеет простор... Вот этот мир, которому он

удивлялся в детстве и продолжает удивляться теперь: что за его пределами?.. Втоптав окурок в жухлую траву, перемахнул через ограду, отряхнул брюки на коленях, огляделся... Двор был запущен, засыпан прошлогодней листвой. Дом тоже был запущенный: немытые окна, на карнизах — мох... Черные кегли грачей продолжали прыгать и трещать в голых кронах осин.

Шмидт взобрался на крыльцо, в задумчивости потрогал пальцем отставший кусок штукатурки, — тот упал и разлетелся на гладком камне крыльца, — Шмидт отдернул руку: по стене побежал черный паук... нет, он был мертвый, высохший, в комке пыльной паутины.

Шмидт долго подбирал из связки нужный ключ.

Внутри было темно. Он зажег фонарик и пошел по длинному коридору, дергая ручки запертых дверей.

За поворотом коридор переходил в холл (дом изнутри казался больше). В холле тоже не было окон. Ореховый взволнованный паркет. Шмидт обвел лучом стены. Мертво блеснули зеленым светом глаза вепря, ощерилась и поползла по стене пасть... оленьи рога, на них висит черная тряпка... вешалка — и на ней отсвечивает пуговицами черное пальто, а на подставке смолисто заблестела трость. Тут только Шмидт заметил, совершив почти полный оборот, слева под дверью — яркую полосу света. Он опустил руку в карман, обхватывая холодную тяжесть револьвера, и выключил фонарик.

Сдерживая дыхание и стараясь не скрипеть паркетом, он оглянулся на мрак коридора... Слышалась то какая-то далекая музыка, то приглушенные разговоры, пока он приглядывался к необычно яркой щели под дверью.

Наконец, Шмидт решился и подошел к двери по закричавшему паркету. Взялся за холодно-граненую латунную ручку. Дверь была не заперта. Шмидт осторожно отворил ее, держа у пояса револьвер.

Шагнув в ярко освещенное помещение (там никого не было), он обернулся — мрак за его спиной казался неподвижным.

Шмидт закрыл дверь и прошел к тому, что у него было перед глазами: в белой комнате без мебели и без окон стоял прислоненный к стене апостол, поддерживающий умирающую Деву Марию: скульптурная группа Успения из алтаря церкви святого Иакова. В комна-

те находился еще изразцовый камин: на его мрачно-зеркальной полке соприкасалась со своим двойником красная роза (из антрацитовых розочек состояли и его стенки), а за ним, в углу... Шмидт вздрогнул — стоял черный гроб. Шмидт оглянулся на дверь. Потом медленно приблизился к гробу.

Не выпуская из руки револьвера, он попытался поднять крышку. Она не поддавалась. Он еще раз оглянулся на дверь. Осторожно положив револьвер на пол, достал из кармана нож. Действуя им как рычагом, — заныло дерево, — стал приподнимать крышку. И тут он почувствовал как будто дуновение. — В комнате кто-то был.

Шмидт, продолжая сжимать нож, медленно стал опускать левую руку на лежащий рядом с коленом револьвер...

"Двадцать четвертого февраля следователь уголовной полиции Отто Шмидт был найден мертвым в принадлежавшем ему особняке в З. (принадлежность особняка Шмидту показал под присягой бывший владелец дома господин Азраил Канат, а также нотариус, оформлявший покупку — глава нотариальной конторы "Братья Розенкрейцеры и К^О"; упомянутые свидетели опознали в покойном человека, выдававшего себя за коммерсанта Шпрингсфельда; в доме обнаружены личные вещи Шмидта: книги с дарственными надписями и орудия взлома с отпечатками его пальцев; в кармане у него оказалась связка ключей от комнат особняка). Вскрытием установлено, что смерть наступила внезапно, в результате паралича сердца. Известно, что покойный страдал сердечной недостаточностью.

В помещении, где было обнаружено тело, находилось недавно похищенное из церкви св.Иакова резное изваяние апостола работы маст.Штосса, а также похищенная двадцать лет назад из той же церкви вторая фигура композиции — скульптура Девы Марии. Отто Шмидт каким-то образом узнал, что она находится в алтаре церкви Богоматери в К. В алтаре упомянутой церкви была когда-то великолепная скульптура Девы. Она была украдена в восемнадцатом веке, а на ее место поставили ремесленную, грубо раскрашенную копию. Украденная же скульптура XV века послужила в свое время оригиналом для свободного повторения ее мастерской Фейта Штосса при создании алтарной композиции в церкви св.Иакова. Особенно точно были воспроизведены руки. Из неизвестных побуждений, возможно, как сейчас выясняется, религиозных, — мадонна

из церкви св.Иакова в М. была похищена и тайно установлена в церкви Марии в К., на место копии XIX века. Причем скульптуру умело замаскировали: замазали клеем и до неузнаваемости раскрасили. То, что Шмидт собственноручно похитил скульптуру из церкви Богоматери в К., не вызывает сомнений: один из прихожан этой церкви опознал убитого, заявив, что видел следователя на ранней обедне двадцать первого числа сего месяца; в этот день, как выяснилось, Шмидт покидал М.

Не вызывает сомнений также и то, что Шмидт своими руками похитил и апостола из церкви св.Иакова: это подтверждает расписка, которую он выдал арестованному недавно Гансу Мюллеру, члену воровской шайки, в получении им от последнего тридцати тысяч марок, Инициалы, фигурирующие в расписке, являются начальными буквами имени, под которым Шмидт оформлял покушку дома. А имя уплатившего деньги — это кличка Ганса Мюллера. О передаче похищенной скульптуры должны были условиться особо. Все эти факты сообщил на допросе арестованный.

И еще одна интересная деталь. В особняке Шмидта, в комнате, где он умер, была найдена и третья фигура композиции алтаря св.Иакова, пропавшая при невыясненных обстоятельствах в минувшую войну. Это аллегорическая фигура смерти. Станным образом, она лежала в гробу, около которого скончался Шмидт, когда то ли открывал гроб, то ли закрывал его. Как показал анализ смешанной с известью почвы, приставшей к скульптуре, последняя была доставлена в особняк из подвалов церкви св.Иакова. Каким образом она очутилась в этих подвалах — неизвестно. Неизвестно так же, лично ли Шмидт похитил ее оттуда. Хотя многое говорит за то: например, как явствует из показаний настоятеля церкви, друга покойного, Шмидт, под предлогом выяснения обстоятельств похищения статуи апостола, осматривал подвалы, а также узнал от святого отца о существовании подземного хода, ведущего из церкви.

Хотела дать показания и бывшая сожительница покойного, Мария М. Но до прибытия полиции она, к сожалению, скончалась после долгой изнурительной болезни.

По иронии судьбы, вопреки замыслам Шмидта и, более того, с его же помощью многострадальной церкви возвращено ее — считавшееся безвозвратно утерянным — сокровище: прекрасная алтарная композиция, достояние нашей национальной культуры. Скорбный

апостол поддерживает умирающую, просветленную Марию, за ними стоит Смерть (на нее лучше не смотреть) — но она над ними уже ~~ни~~ не властна".

Все, заключенное в кавычки можно было почерпнуть из газет, вышедших через несколько дней после смерти Шмидта под заманчивыми заголовками: "Смерть в З. — а может быть, убийство?", "Кто сообщник?", "Следователь — мошенник", "Человек из Мариенкирхе".

13.II.86

А. де М.

ПОСТСКРИПТУМ три с половиной года спустя.

Эту историю мне передал один разговорчивый приятель, которому, в свою очередь, рассказал ее знакомый иностранец — не то швейцарец, не то австриец. Я по памяти записал ее, что-то изменив, что-то домыслив, дополнив деталями (сознаюсь, не всегда нужными ^{х)}) и примешивая к судьбе героя собственную судьбу.

Недавно я правил эту рукопись и, облокотившись на пишущую машинку и рассеянно глядя на ленту, израненную шрифтом, задумался о том, что осталось за рамками рассказа — уступил детскому желанию все узелки распутать, все линии свести воедино, досконально выяснить отношения между персонажами и даже узнать, кто на ком женился после самой последней поставленной над "и" точки.

Я подумал: интересно было бы съездить в тот город, где произошла эта история, и своими глазами увидеть участвовавших в ней. Мне даже сердце захолонуло от мысли, что можно было бы литературу сделать жизнью и заглянуть в тот самый дом, в котором погиб герой, — а, может, и попытаться продолжить его дело...

х) В свое оправдание замечу: я пишу очередное слово, а предыдущее мне уже кажется неточным, банальным, устаревшим; я — само время, река Гераклита или прыжок белого коня через ущелье, о котором упоминает Чжуан-цзы.

На крышу как-будто просыпали горох, а осиновые листья за окном вздрагивали; самого же дождя было не видно — августовский день смеркался. И тут за шорохом дождя я услышал еще какой-то звук. Мне стало не по себе (я находился один в загородном доме, в тихой местности). В комнате было почти темно: свет давала своими зеленоватыми глазами лишь сова-ночник, стоявшая на старинной горке. Я покосился на висевшее на стене ружье. Быстро и стараясь не шуметь прошел к выключателю и зажег верхний свет. В соседней комнате тоже было пусто и тихо. Я резко распахнул дверь в прихожую — и понял причину непонятного звука: под лампочкой летала, шурша и стучаясь о стену, большая ночница. Я опасливо обернулся, потом опять стал смотреть на траурную бабочку, Мне показалось, что это чей-то знак и тайное предупреждение: не выходить за пределы очерченного круга.

12.УШ.89

oooooooo